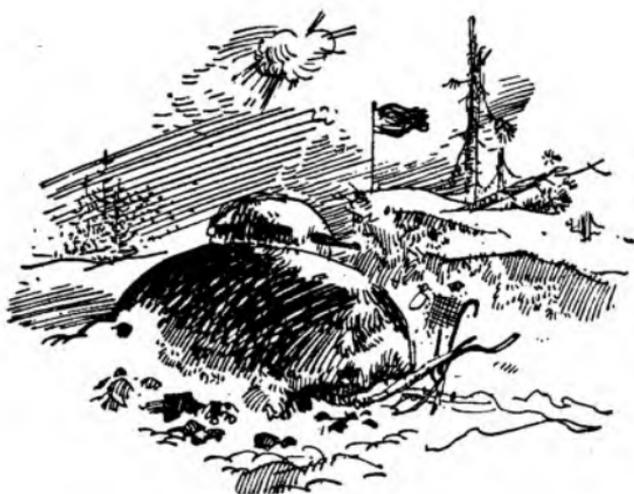

Е. ВЕСЕНИН
А. СВЕТЛОВ

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

СОДЕРЖАНИЕ

Начало и конец	3
Боевое крещение	4
У главного рубежа	8
Восхождение на «Великан»	11
Первый взрыв	15
На штурм	19
Падение крепости	20
Смерть повара Котова	21
«Легенды» о дотах	23

Редактор *Н. ТолчENOва*

Тираж 100 000 экз. Подписано в печать 10 июля 1941 г.

1¹/₂ п. л. 38 тыс. зн. в 1 п. листе

А 39867. Заказ № 406. Цена 20 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Части Красной Армии достигли предполья белофинского плацдарма.

За предполем лежал закованный в железо и бетон, спрятанный за лесами и оврагами, десятки раз перекрытый минными полями, проволокой, гранитными надолбами и рвами главный оборонительный рубеж противника. Он перерезал перешеек, упираясь одним концом в Финский залив, другим—в Ладожское озеро, закрывал подступы к Выборгу и вход в Выборгский залив.

Наши части стремились к Выборгу. Начинались первые упорные и кровопролитные бои за овладение предполем.

Белофинны надеялись на силу своей обороны. Сама природа им благоприятствовала.

Леса, густая сеть озер, реки и болота...

Буреломы, холмы, скалистые гранитные гряды. Осенняя топь и суровая зима.

Обильные снега и обжигающие ветры...

Тут можно было долго обороняться и без специальных укреплений.

Но природа—природой, а провокаторы войны всегда остаются верны себе. Почти двадцать лет белофинны готовили плацдарм на Карельском перешейке. Здесь были сооружены бесчисленные укрепления. Пути, вернее бездорожье, к этим укреплениям прикрывала мощная полоса заграждений.

Финны не сомневались в том, что даже не «линия Маннергейма», а предполье надолго задержит продвижение

наших передовых частей, что уже на подступах к главному рубежу советские бойцы будут сильно измотаны, а материальная часть серьезно расстроена.

Враги заранее торжествовали.

Но торжество было преждевременным.

Карельский плацдарм действительно доставил много трудностей советскому командованию и бойцам.

Двигаясь навстречу ветру, который обжигал кожу и затруднял дыхание, долгими часами отлеживаясь на снегу под огнем неприятеля, неутомимые бойцы и командиры шли вперед.

Крепость! На каждом километре и на каждом подступе ждала их крепость!

Но нет таких крепостей, которых не могли бы взять большевики...

Могучая Красная Армия победила!

Победу нашему оружию принесли могучая военная техника, талантливые, мужественные пролетарские полководцы, сталинская стратегия, героизм и стойкость отважных бойцов.

От «линии Маннергейма» остались лишь развороченные руины. К этим руинам приезжали потом экскурсанты, чтобы воочию увидеть места, где сражались пламенные советские патриоты, показавшие образцы бесстрашия и героизма, беззаветной преданности и любви к своей великой Родине.

Герой Советского Союза капитан Иван Евдокимович Коровин бережно хранит свой походный блокнот—небольшую тетрадь, куда он даже в самые горячие дни боев успевал занести хоть несколько строчек о незабываемом.

Блокнот содержит записи о делах и людях саперного батальона N-ской стрелковой дивизии.

Командиром батальона был капитан Коровин.

Дневник озаглавлен: «Боевые действия на финском фронте с декабря 1939 года по март 1940 года».

Декабрь—март. Начало и конец...

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Саперный батальон, которым командовал капитан Коровин, прибыл на финский фронт 21 декабря. А в ночь на 29 декабря саперы получили первое боевое задание:

проделать взрывами в гранитных надолбах—на переднем крае обороны противника—проходы для наших танков.

Стояла суровая зима. Даже в этих северных краях давно не помнили такой зимы. На перешейке свирепствовали штормовые ветры и жестокие морозы, доходившие до пятидесяти градусов. Глубина снега местами достигала метра. Непромерзающие болота, прикрытые сверху сугробами, таили вязкий грунт, губительный и для людей и для машин. Дорог не было. Малейшие тропки, лесные опушки, каждая пядь открытой земли, каждый камень—все было точно пристреляно противником.

Начиная первую операцию, капитан Коровин собрал свой батальон. Он обратился к нему с короткой речью:

— Товарищи саперы! Мы достигли передовой позиции. Мы знаем, что за этими белыми снегами лежит черный враг, напавший на нашу страну. Наши части действуют в известном всем нам направлении, и не может быть и никогда не будет, чтоб мы не победили...

Он помолчал и сказал еще несколько слов:

— Сегодняшняя ночная задача каждому ясна. Я надеюсь, товарищи, на вас, как на самого себя. Товарищ Фулонов!

Вперед вышел старший лейтенант, командир первой саперной роты Михаил Фулонов. Рядом с ним стал политрук Юрий Полишук.

— К выполнению боевой задачи первая рота готова, товарищ капитан,—сказал командир роты.

Когда на землю упала синяя мгла беззвездной ночи, саперы начали операцию. Командиры взводов—младший лейтенант Кучеров и старшина Собчук вызвали добровольцев. Их явилось вдвое больше, чем требовалось.

Франц Кучеров, в недавнем прошлом учитель из-под Днепропетровска, собрал бойцов вокруг себя.

— Это хорошо, товарищи, что нас так много,—сказал он.—Я уверен, подождем мы еще минуту, и к нам явится еще столько же охотников. Но время торопит, а нам на каждого нужно только по восемь бойцов...

Он, не глядя в лица товарищей, отсчитал восемь человек для себя и столько же для старшины, коротко скомандовал:

— Надеть халаты!—и первый вышел из землянки.

Капитан Коровин стоял на дворе. Он молча пожал руки Кучерову и Собчуку и проследил за отходом отряда. Темнота и деревья скрыли обе группы.

Кучеров взял направление на Сепянмяки, в 100 метрах восточнее Выборгского шоссе. Собчук выступил в район на 300 метров западнее озера Сумма-ярви.

Эти короткие расстояния на фронте стоили десятков километров пути в тылу! Как хорошо ни маскировались саперы, финны заметили их и с этой минуты уже не прекращали огня. Против горсточки бойцов младшего лейтенанта Кучерова действовали хорошо укрытые вражеские пулеметные и минометные гнезда. Такой же огонь встретил и отряд Собчука. Но, задерживаясь лишь на какие-то короткие мгновенья, люди двигались вперед и вперед.

Финны непрерывно пускали осветительные ракеты. Яркие огни взлетали над лесом, над землей, над надолбами, которые издали были похожи на надгробные камни старого, давно заброшенного кладбища. Вспышки света длились недолго. Но на эти секунды нужно было замереть, зарыться лицом в сугроб, не двигать даже пальцами деревяняющих рук, не дышать. И саперы замирали, зарывались в снег, не двигались и не дышали.

Когда потухал свет, бойцы подтягивали саночки с взрывчатым веществом и опять короткими бросками двигались вперед.

Рядом с Кучеровым оказался один из бойцов. Командир не видел ни его лица, ни глаз, только услышал, как человек глубоко и с хрипотой вздохнул.

— Что с вами? Ранены?—обеспокоенно спросил лейтенант.

— Нет, ничего, товарищ командир. Просто сил нет ползти, побежать хочется!

— Близко,—сказал Кучеров,—теперь уже близко. А силы, товарищ, берегите. Они пригодятся. Ползите за мной.

И опять всполохи в небе, и снова дробь пулемета, так низко, что вихрится снег, и разрываются где-то совсем рядом мины.

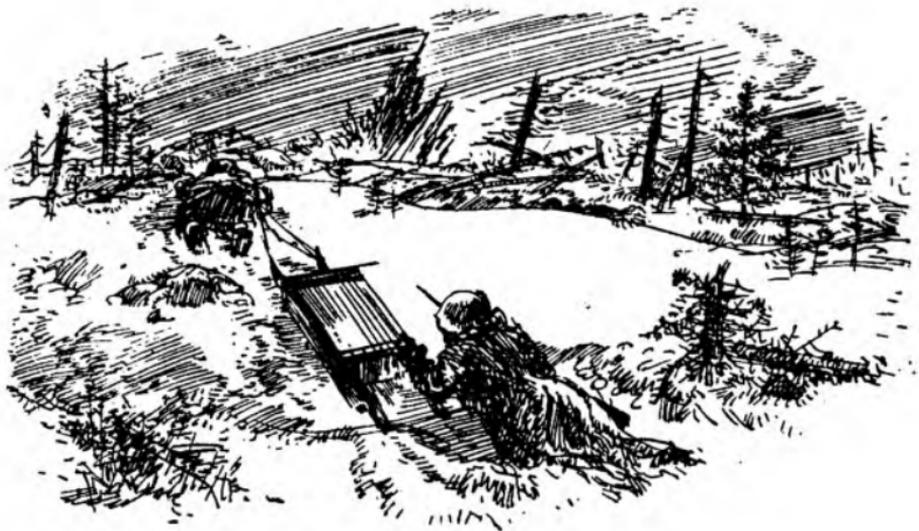

...Капитан Коровин не спал. Сидя в палатке, он слушал неумолчную трескотню вражеских пулеметов и удары взрывов. Это были не те взрывы, которых он ждал.

Командир вышел из палатки. Он сделал несколько шагов и вдруг заметил, что рядом с ним, у дерева, кто-то стоит.

— Кто?—спросил Коровин настороженно и тут же услышал знакомый голос посыльного.—Товарищ Рябоконт?

— Я, товарищ командир. Не спите?

Бойцы подтягивали саночки с взрывчатым веществом

Капитан не успел ответить. Над лесом, точно комета, пронеслась, вычертив голубой полукруг, ракета, и тут же густо ударили пулеметы.

— Бьют гады,—сказал посыльный.

— Бьют,—отозвался в раздумье Коровин.—Это с востока. Значит, по группе Кучерова. А наших все не слышно. Пора бы им, пора...

Он повернулся и пошел к избушке. Дошел до порога, взялся за скобу и уже нагнул голову, чтобы протиснуться в узенький ход, как вдруг раздался взрыв большой силы.

— Наш!—крикнул Коровин.—Вот это наш удар! Слышишь, Рябоконь, как рвут красные саперы? Молодцы...

Раздалось еще несколько взрывов.

А спустя два часа группы Кучерова и Собчука вернулись. Командиры взводов коротко отрапортовали:

— Задание выполнено. В надолбах сделаны два прохода. Каждый—в четыре метра... Бойцы вели себя героически.

И товарищи, окружившие бойцов, с радостью и понятной завистью слышали знакомые фамилии: помощник политрука Иван Лобанов, отделенный командир Вострецов, младший командир Петр Рыбалкин...

Петр Рыбалкин был ранен, но из боя не вышел. С пулей в ноге, преодолевая жестокую боль, он продолжал работу. Выполнив задание и отползая, он нашел на пути тяжело

раненного лейтенанта—командира стрелкового взвода, поддерживавшего саперов своим огнем. Рыбалкин доставил лейтенанта на перевязочный пункт и снова вернулся к своей группе...

За несколько ночей саперы капитана Коровина открыли путь танкам и сделали возможным движение пехотных частей.

У ГЛАВНОГО РУБЕЖА

К 1 января 1940 года дивизия сосредоточилась у переднего края Хотиненского укрепленного района. Боевые действия в полосе продолжались в течение всего месяца.

В шести километрах от передовой линии, в нашем тылу, был оборудован учебный укрепленный район. Здесь было воспроизведено все, с чем предстояло Красной Армии иметь дело в настоящих боях на предполье и главном оборонительном рубеже противника.

Бойцы ежедневно проводили занятия, тренировались, привыкали к трудностям и учились преодолевать их.

«Тяжело в ученье—легко в бою». И о пройденных в боевом ученье трудностях люди вспоминали потом с большой и глубокой благодарностью.

Решительных, генеральных сражений в эти дни еще не было. Наша могучая военная техника и бойцы не проявили еще и десятой доли своей силы. Тот стремительный, все уничтожающий штурм, который обратил «линию Маннергейма» в линию развалин, только еще подготавливался. И эта подготовка шла каждый день, каждую ночь и каждый час.

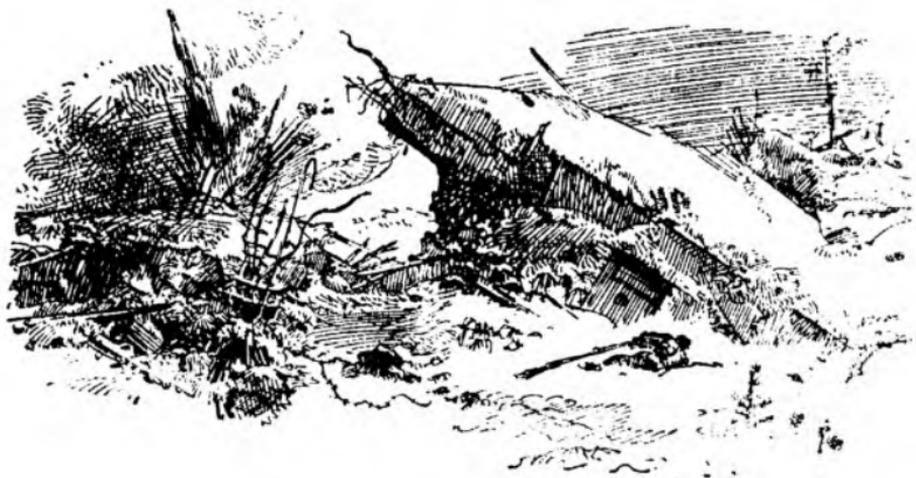
Саперы в этот период выполняли ответственнейшие задачи. Они с боем разведывали линию обороны противника, местонахождение дотов, систему их огня.

Разведать—означало вскоре уничтожить.

Система заграждений была такова: противотанковый ров, за рвом—надолбы, за надолбами—проволочные заборы, за проволокой—минное поле...

Кончилось предполье, начался укрепленный район. И снова—проволочные заборы, засеки, завалы, рвы, окопы, блиндажи, траншеи и, наконец, за всем этим, как медведь в берлоге,—дот.

С каждым днем наши части все глубже и глубже входили в предполье и приближались к дотам.

Многие доты были до основания разбиты нашими снарядами

Прекрасно действовала наша артиллерия. Тяжелые орудия заставляли подолгу молчать вражеские батареи, наводили ужас на белофинских солдат, расстраивали их ряды, наносили значительный урон живой силе врага и разрушали его сооружения.

Наша артиллерия еще до подхода пехоты и саперов разрушила своим дальнобойным огнем значительную часть финских укреплений. Многие доты были до основания разбиты нашими снарядами.

Авиация столь же успешно бомбила укрепления, резервы, коммуникации. Летчики изумляли своей храбростью и высоким мастерством.

Однако были доты, которые не удавалось быстро разрушить. Их нужно было «оседлать» — надежно обложить зарядами и взрывать вручную. Это и входило в задачу саперов.

Капитан Коровин был неутомим. Волевой человек, коммунист, он не только выработывал планы, не только командовал, но и сам, оказываясь каждый раз в нужном месте, участвовал во многих боях, являя образец героизма, служа примером для бойцов.

Бойцы любили этого простого, сурового с виду, но чуткого человека. Они часто говорили о нем:

— Наш капитан в бою всегда за двоих: за командира и за бойца. За ним каждый уверенно пойдет на врага.

И люди шли за Коровиным вперед.

Семнадцать линий заграждений лежали на пути к главному рубежу. Финны сдавали один ряд и залегали за другим. Каждый шаг требовал жертв и стоил крови.

Были открыты и занесены на карту девятнадцать дотов.

— Может быть, это все, а может, мы еще узнаем о новых,—говорил Коровин.—Но сейчас ясно одно: все, что мы разведали и нашли у врага, надо пустить в расход.. Мы должны поднять это хозяйство на воздух, чего бы нам это ни стоило.

Саперы действовали, главным образом, ночью. Днем огонь противника приковывал бойцов к земле. Людям подолгу приходилось лежать в снегу без движения. И в эти томительные дневные часы бойцы ждали темноты с таким чувством, с каким обычно ждут рассвета.

Ночью мороз особенно злобствовал. Маскировочные халаты смерзались так, что при желании их можно было бы снять с себя и поставить, и они торчали бы на снегу, как большие белые пугала. От ледящего, обжигающего ветра захватывало дыханье, тяжелели руки, ноги, индеели веки. Но ночные часы были часами самой горячей работы, и она продолжалась до тех пор, пока не наступал хмурый карельский день.

Саперы действовали под непрерывным огнем. Но, используя для укрытия каждый бугорок, пень, воронку, они неустанно взрывали надолбы, прорезали проволоку, подрывали противотанковые рвы, очищали минные поля.

В январе капитан Коровин семнадцать раз вел саперов своего батальона на боевые операции. Они проделали семь проходов в надолбах, сняли пятнадцать проволочных заборов, завалили и сделали проходными пять противотанковых рвов. Но это было только начало работы.

Отвоеванные позиции нужно было все время держать под контролем, вновь и вновь проверять, свободны ли проходы. Командиры и бойцы знали: после того как они, выполнив свою задачу, уходили, белофинны могли снова подобраться к проходам и свести на-нет работу, которая была проделана с таким трудом.

В районе озера Сумма-ярви и Сепянмяки так и было. Саперы три раза рвали надолбы и уничтожали минные поля. И три раза белофинны вновь перегораживали проходы специальными противотанковыми минами и фугасами.

В четвертый раз сюда пошел, зная, что каждый вершок земли здесь теперь пристрелян, что каждый шаг теперь

будет здесь вдесятеро опаснее, чем раньше, капитан Иван Евдокимович Коровин. Его бойцы в последний раз очистили проходы, сделав их безопасными и свободными для движения.

Так проходил январь. За этот месяц люди мало отдыхали. Сапер комсомолец Иван Лобанов семнадцать раз добровольно ходил в разведку и в бой. Он сам вязал заряды, рвал гранитные «бабы», выносил с поля раненых товарищей, воодушевляя своим примером других. Ксмандир взвода Франц Кучеров, и старшина Собчук лично руководили многими операциями, и капитан знал, что любое дело они сделают чисто и с небольшими потерями.

— Мы должны крепко помнить,—начиная каждую операцию говорил Коровин,—что нам дорога жизнь каждого сапера. Быть смелым—это еще не значит презирать опасность. На любую опасность смело гляди, ни перед какой трудностью не сворачивай, а голову на плечах береги!

Эти слова вселяли бодрость и уверенность. А любовь к Родине и знание своего дела рождали героев.

Коровину нет нужды перелистывать походный дневник, чтобы припомнить десятки имен искусных и отважных саперов, совершивших незабываемые подвиги на Карельском перешейке. Эти имена приходят сами... Калачев, Берсенев, Смирнов, Князев, Биктемиров, Гатинский, Морев, Латков... Их было много, бесстрашных сынов Родины.

ВОСХОЖДЕНИЕ НА «ВЕЛИКАН»

Ночью 31 января батальон Коровина из приказа по армии узнал, что N-ская стрелковая дивизия переходит в решительное наступление для прорыва и уничтожения Хотиненского укрепленного района.

Основной удар наносился в направлении на Сепянмяки. Главная задача сводилась к уничтожению дотов и в первую очередь—к взрыву дота № 45, самого крупного и мощного сооружения в густой сети подземных крепостей, связанных между собой взаимной огневой поддержкой.

Дот «Великан»—так называли наши бойцы это сооружение.

Перед самым наступлением, во время одной из вылазок, наши стрелки добыли «языка». Это был молодой финский

солдат, не очень сытый и не слишком храбрый. На допросе он через переводчика сказал:

— Миллионный дот взорвете,—все взорвете...

Это знали и без него. Дот № 45 и связанные с ним соседние крепости вели ураганный огонь на подступах к главному рубежу и мешали широкому наступлению наших частей. Пока эти крепости существовали и действовали, наши части могли двигаться вперед только с величайшей осторожностью.

Решение было принято.

— Вперед, бойцы! За Родину! За Сталина!

Бойцы двинулись к дотам. Общее руководство боевыми действиями было возложено командованием на командира стрелкового батальона старшего лейтенанта Сиповича, осуществление блокировочной операции—на капитана Коровина.

Финны заметили опасность и всей силой своего огня обрушились на наступающих бойцов. На помощь доту № 45 пришли его соседи.

Предчувствуя свою близкую гибель, «Великан» защищался с упорством отчаяния. Огонь не давал бойцам поднять головы. Из соседних дотов на наступавших летели мины. Всю ночь поле боя освещали ракеты. От грохота дрожала земля, и, как пьяные, раскачивались обезглавленные деревья. Завывала дикая пурга. Бойцы шли в темень, в пургу, в огонь, но... захватить дот в ту ночь им так и не удалось.

Наступил день. Стрелки и саперы залегли у последней гряды надолб. Люди устали, измучились. Но они готовы были скорее умереть, чем ползти назад, отказаться от выполнения боевой задачи.

Лежавший рядом с Фомичевым командир стрелковой роты сказал:

— А дот-то близко, политрук! Не вечно день, опять придет ночь...

Политрук улыбнулся.

— Календари для этих мест плохо сработаны,—день и ночь, день и ночь... Вот если бы две ночи подряд, как раз бы успели...

В цепи, где лежали саперы, один боец сказал Кучерову:

— Неужели наш труд зря пропадет, товарищ командир? Неужели ж мы и дот не взорвем и сами назад не вернемся? Ведь бьют-то как! Шевельнуться нельзя.

— Мы не вернемся назад,—ответил Кучеров,—если не взорвем крепость. Взорвать надо! Понятно?

— Эх, если бы только они из своих нор повылезали. Если бы в открытый бой! В штыки если бы...

— Не вылезут сами—заставим,—сказал опять Кучеров.— День на день непохож и час на час.

Лежали не двигаясь. Растирали лица и руки почерневшим снегом. Ждали поддержки.

Связи со своими не было. Запасы продовольствия подходили к концу. Выручила собака Туча. Умная и быстрая, она, прижимаясь к земле, когда гремели одиночные винтовочные выстрелы, и совсем распластываясь и замирая, когда строчили пулеметы, два раза бегала на командный пункт с донесениями и благополучно возвращалась обратно. В последний раз Туча принесла записку:

«Молодцы. Во что бы то ни стало удержать рубежи! Помощь подойдет. Кашу, хлеб, консервы доставим».

День тянулся медленно. Но скучать не приходилось. Начиная с полудня финны несколько раз переходили в контратаку. Стрелки и саперы отбили все атаки.

Зимние сумерки в Карелии наступают рано. Темнота быстро сгущается и становится непроницаемой. В сумерки комбат Сипович ввел в бой еще одну роту под командованием младшего лейтенанта Ступака. Поддержка придала бойцам новые силы.

— Теперь и веселее будет, и дело лучше пойдет,—сказал Кучеров.

— Две роты—смерть роту,—скаламбурил политрук.

В этот час сумерек и короткого затишья Коровин сидел в своей палатке. Его окружали молодые саперы. Они еще ни разу не участвовали в боевых делах и с волнением и готовностью ожидали своего боевого крещения.

— Во-первых, знание своего дела, во-вторых, упорство в достижении цели,—говорил капитан,—вот в чем залог успеха. Мы уже знаем, как белофинны ведут себя на позиции. Они отползают от одной линии к другой. Ты отвалил врага от рвов,—он залегает за надолбами. Ты взрываешь эти каменные несчастья,—он перелезает за проволоку. Режьте, товарищи саперы, проволочную сеть, снимайте мины, бейте врага, не давайте ему перевести дух и опомниться. Когда охотник идет по следу

зверя, тот часто удирает и прячется в своем подземелье. А охотник-боец все равно не отстает и не оставляет зверя. Он преследует его до последних сил и убивает хищника в его зверином логове,— вот так... А тут не охота, а война!

Капитан оглядел бойцов и после короткой паузы продолжал:

— Сейчас мы подробнее остановимся на минах...

В это время распахнулись двери, ветер рванул огонь в маленькой печурке, и в палатку не вошел, а вскочил посыльный. Он вытянулся, приложил руку к шлему:

— Товарищ капитан, вас кличут на командный пункт дивизии! Срочно явиться!

— Иду,—отозвался спокойный голос.

На командном пункте Коровин встретился с командиром и комиссаром дивизии.

— Противник возлагает особенно большие надежды на дот № 45,—сказал комиссар.—Своим огнем крепость закрывает путь для дальнейшего движения дивизии. Надо рассеять эту надежду. На вас, товарищ капитан, командование возлагает большую ответственность. Лично отправляйтесь к дотам и на месте руководите операциями. Дот № 45 надо уничтожить. Гибель этого дота будет началом гибели всей «линии Маннергейма»... Мы уверены, что с этой задачей вы справитесь. Вас знают как отличного специалиста-подрывника и вы коммунист,—закончил полковой комиссар.

Голос Коровина прозвучал взволнованно:

— Дот будет уничтожен!

Он попрощался и вышел.

Опять кружила пурга, мороз усиливался. Капитан подбежал к своей палатке и бесшумно вошел.

Саперы сидели вокруг потрескивавшей, раскаленной печки. На два голоса, без слов, они пели мотив знакомой, хорошей песни.

Коровин несколько мгновений постоял, молча глядя на лица своих товарищей. Одни из его бойцов недавно вышли из огня, другим предстояло идти в огонь через несколько минут.

Предстоял тяжелый и опасный рейд, может быть последний в жизни.

Но время было дорого. Шагнув к печке, Коровин сказал:

— К минам мы вернемся в следующий раз. Товарищам новичкам скажу коротко: минное поле противника—пятьдесят две мины. Выбрали пятьдесят одну—не уходите, ищите обязательно пятьдесят вторую. Снимете пятьдесят три мины, значит здесь два минных поля рядом,—ищите сто четыре... А сейчас требуются добровольцы.

Все бойцы, находившиеся в палатке, поднялись со своих мест.

— Однако на первый раз многовато...

Он отобрал людей. Через четверть часа отряд выступил.

ПЕРВЫЙ ВЗРЫВ

Черная темень поглотила смельчаков. Они поползли, таща на себе груз. Продвигались довольно быстро. Метрах в трехстах от дота цепь остановилась. Капитан Коровин нашел группу Кучерова. В живых здесь было всего семь человек. Группа больше суток не выходила из огня, но готова была продолжать выполнение боевой задачи.

— Пристраивайтесь к нам,—сказал Коровин.—Взрывчатку везите за собой.

Снова тронулись в путь. Сумасшедший ветер метался над полем боя. Снег вихрился и застилал все впереди, но всполохи финских ракет вели, как огни маяка, прямо к доту.

Ящики с взрывчаткой были очень тяжелы. Их везли на санках, тащили на себе, толкали по снегу. Бойцы не поднимали голов, дышали в снег, который залеплял глаза, лез в рот...

Дот был уже совсем близко. Противник вел огонь из всех амбразур. Часто били пушки. Непрерывно строчили пулеметы.

Наступали решительные минуты. Саперам нужно было взбираться на вершину «Великана», чтобы взорвать дот. И тут-то Коровин понял: взрывчатки нехватит. Рвать дот нужно было так, чтобы в первую очередь уничтожить артиллерийские амбразуры,—пушки противника выводили из строя наши танки. Но подниматься на крышу дота с имеющимся в наличии количеством взрывчатки было бессмысленно. Саперы могли только легко ранить, поцарапать гигант из железа и бетона, но не вывести его из строя.

Связисты пытались наладить связь с командным пунктом. Капитан Коровин, пользуясь условным языком, на ко-

тором «консервы» значат «взрывчатое вещество», надры-
ваясь и хрипя, несколько раз кричал в трубку:

— Алло! Алло! Дайте консервов! Нам нехватает кон-
сервов... Люди на таком довольствии будут голодны...

Ответа не было, фугас или мина повредили линию.
Тогда Коровин приказал опять послать к своим собаку.

— Туча! Сюда, Туча!—позвал чей-то высокий голос.

Пес подошел, посмотрел на бойца умными глазами, до-
брыми, усталыми и любящими, поднял уши и, как ветер,
помчался вперед.

Но прежде чем Туча вернулась назад, начали прибывать
«консервы». К полуночи взрывчатого вещества было до-
статочно.

— Теперь можно действовать,—повеселев, сказал капи-
тан Кучерову.—Теперь у нас совсем другой разговор пой-
дет. Теперь только от нас одних все зависит.

Ящики сложили в двухстах метрах от дота. Отсюда их
нужно было на себе поднимать на «Великан».

Бойцы стали цепочкой. Ящики передавали один другому.
Задыхаясь от напряжения, обливаясь потом на чудовищ-
ном морозе, под огнем пулеметов и минометов бойцы бес-
страшно выполняли задание.

Коровин решил заложить заряд в восточном углу дота.
Пробраться туда было трудно и опасно, но именно в том
месте гигант был наиболее уязвим. Широкая и глубокая
воронка, вырванная нашей артиллерией в восточной части
каменной громады, могла служить прекрасным прикры-
тием для людей и надежным гнездом для укладки заряда.

Первым оказался в воронке Коровин, проскочивший
сквозь перекрестный огонь двух амбразур. Теперь, стоя
в яме во весь рост, он даже под перекрестным огнем был
в безопасности и спокойно мог руководить операцией.
Он ждал подачи первого ящика и с волнением думал о
том, что каждого, кто двинется к доту, подстерегает пуля
врага.

Первый ящик капитану передал красноармеец Посошков.
Пуля белофинна тут же свалила его. Боец упал, ранен-
ный в голову. Посошкова сменил помощник командира
взвода Цветков. Его обстреливали со всех сторон, но он
успел передать командиру несколько ящиков с взрывчат-
кой, затем ловко перебрался через бугорок в спаси-
тельную воронку и стал помогать укладывать заряд.

На место убитых и раненых шли новые смельчаки. При-

*Цветков успел передать командиру
несколько ящиков с взрывчаткой*

мером для всех служили коммунисты и комсомольцы. В самом опасном месте отважно действовали политрук Кирпачый и старший лейтенант Лободин.

Наконец, заряд заложен. Коровин взглянул на часы. Шесть утра. Капитан приказал командиру взвода Цветкову:

— Передайте команду: «отходить на обед»...

— На обед... На обед,—покатился шопот по цепи. Нужно было отползти назад хотя бы метров на двести.

Стрелки и саперы стали бесшумно отходить в укрытие.

Командир взвода все еще стоял неподалеку от Коровина. Цветков во-время сразил трех белофиннов, пытавшихся выбраться из дота, чтобы узнать, что творится возле него. Больше враги не высывались. Тогда Цветков выпустил несколько ракет.

Приняв сигнал, политрук Фомичев открыл с левой стороны гранатометание. Это была маленькая военная хитрость, которую придумал Коровин. Она должна была отвлечь внимание белофиннов. Маневр удался. Белофинны начали отвечать.

Все было готово. Шнур был протянут с трех сторон и соединен в месте запала. Капитан достал спички:

И вдруг к нему подвинулся Цветков.

— Товарищ капитан...

Голос его дрожал.

— Отходи,—сказал Коровин строго.

— Если это смерть,—сказал он,—умрем вместе.

Коровин покачал головой.

— Можешь быть спокоен... Это будет не наша смерть.

Это будет смерть «миллионера».

Капитан почувствовал вдруг, как необычно затуманились в это мгновение его глаза, и громко закричал:

— Младший комвзвода Цветков! Наступает момент за- пала. Я приказываю вам отойти и укрыться. Бегите по- быстрее и подальше...

А в крике не было ни суровости, ни угрозы.

Коровин подал второй сигнал Фомичеву. Две тени мет- нулись от купола дота влево и вправо и скрылись. Капи- тан чиркнул спичку и поднес ее к зажигательной трубке. Он увидел белый огонек, услышал, как зашипел шнур и только тогда побежал сам. Он прыгал через сугробы и ямы, широко размахивая руками и задыхаясь. Сильно би- лось сердце. Не от страха. В эти секунды он думал только об одном: «Взрыв или отказ?..»

Грохот, от которого содрогнулась земля, сбил его с ног и с силой вдавил в снежную яму. Командир закрыл глаза. На него посыпались камни и снег. Больно заныла правая рука. Но он слышал, как совсем близко кричат родные голоса:

— Ура! За Родину! За Сталина!

— Сталин!..

Когда Коровин пришел в себя и выбрался из завала, дот молчал. Две пушечные амбразуры «Великана» были пол- ностью разрушены. Одна боковая, пулеметная, была по- вреждена.

Однако «Великан», смертельно раненный, был еще жив.

— Добить... Во что бы то ни стало добить!—сказал капитан окружившим его товарищам.

— Уже наступает рассвет,—заметил Кучеров.

— А разве ночь сегодня выходная?—улыбнулся Ко- ровин.

Операция была временно прекращена...

Серое утро принесло короткое затишье. Затсм бой раз- горелся с новой силой.

НА ШТУРМ

Финны расшвыривали. Комбинированным огнем минометов, пулеметов и артиллерии они пытались уничтожить стойкий и храбрый стрелковый батальон Сиповича.

Неприятель неоднократно переходил в контратаку, но его каждый раз принуждали отступать. Ни одной пяди отвоеванной земли не сдал врагу батальон.

И опять пришла карельская темная ночь. В эту ночь Коровин и его бойцы и командиры должны были по выработанному плану прежде всего снести дот № 44. Эта огневая точка была непосредственно связана с «Великаном», поддерживала его и упорно не давала приблизиться к нему. Окончательное уничтожение «Великана» требовало предварительного разрушения дота № 44.

В шесть часов вечера блокировочная группа двинулась на операцию. Стрелков вел младший лейтенант Ступак. Саперами командовал Франц Кучеров.

Когда в Москве куранты кремлевской башни отбивали полночь, бойцы Ступака оседлали дот № 44. Ступак сигнализировал Коровину:

— Сижу на доте... Нахожусь в безопасности.

Доставка взрывчатого вещества была теперь организована четко. Саперы едва успевали укладывать ящики и вязать заряды. Взрывчатку укладывали на самой верхушке дота. Финны и на сей раз пытались высунуться, но красноармеец Линник, весельчак и балагур, сейчас был серьезен и внимателен как никогда. Снайперскими выстрелами он снимал не в меру любопытных врагов одного за другим.

Взрывчатое вещество было уложено. Коровин подал сигнал об отходе.

Франц Кучеров подошел к заряду. Несколько товарищей окружили его. Ждали. Он понял это ожидание и сказал:

— Взрыв произведу сам, товарищи. Дайте спички и бегите назад.

Спички были у младшего командира Смирнова. Тот почти умоляюще сказал лейтенанту:

— Товарищ командир, позвольте я сам...

— Приказываю дать спички,—решительно оборвал Кучеров.—Близится рассвет. Дорога каждая секунда.

Смирнов подал спички. Все отбежали.

Белая молния и чудовищной силы удар разорвали ночь, небо, гранит. В воздух полетела поднятая столбом земля. Горький, ядовитый дым пополз, как туман, во все стороны...

А там, где несколько минут назад находилась железобетонная громада, были лишь бесформенные руины.

Дот был уничтожен вместе с орудиями и прислугой.

Наступила тишина. Занимался рассвет. Третьи сутки бойцы в лютый мороз оставались на своем посту, не выходя из огня, не отдыхая. Третьи сутки советские богатыри, обагрывая землю своею кровью, отстаивали честь своих боевых знамен, счастье своего народа.

Теперь им оставалось добить дот № 45—дот «Великан».

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ

«Великан» еще действовал. Обреченный на гибель, он все еще сопротивлялся, и его упорно штурмовали стрелки героического батальона Сиповича.

В бою был ранен политрук Фомичев. Выбыл из строя командир стрелковой роты Гришин. Но рота держалась.

В сумерки к «Великану» вновь прибыли саперы. Подвезли взрывчатку.

В восемь часов вечера началась вторая и последняя операция на «Великане». Перед самым рассветом заряды были уложены. Люди по команде Коровина отползли. У зарядов остались капитан Коровин и Франц Кучеров.

— Ну,—сказал Коровин,—можно считать, что «Великана» больше на свете нет. А номер 45 останется финнам на память...

— Зажигай,—приказал капитан.

Кучеров поднес спичку к шнуру..

В эти считанные секунды нужно бежать как можно быстрее, бежать не оглядываясь. Но капитан оглянулся. Он остановился и громко крикнул:

— Назад! Назад к заряду,—шнур отказал...

Близилось утро. Финны, которые еще находились в крепости, могли заметить саперов... Тогда не только не удался бы взрыв, но и взрывчатка досталась бы врагу.

— Ну что, Франц,—взволнованно шепнул Коровин,—как ты думаешь? Отдать заряд белякам?

— Лучше умереть, но взорвать дот!—ответил Кучеров.

— Значит, принято единогласно.

Шнура больше не было. Оставалось одно—рвать каждый заряд в отдельности, огневым способом. Коротенькие запальные трубки мгновенного сгорания нужно было ткнуть в массу взрывчатки. В девяти случаях из десяти подрывники в таких операциях гибнут. Длина трубки—40 сантиметров. Скорость сгорания—сантиметр в секунду. Сорок секунд решают все...

Но оба командира твердо приняли решение. Они были бледны, но спокойны: теперь-то уже отказа быть не могло.

— Запальной ближний, Франц,—приказал капитан товарищу.

Второй, дальний, запал, отбежать от которого было еще труднее, Коровин взял на себя.

Сигнал. Кучеров зажег спичку и побежал. В то же мгновение зажег трубку и ринулся назад капитан Коровин.

Два страшных взрыва раздались одновременно.

Коровин лежал в глубокой воронке, вырытой снарядом. Он лежал контуженный и оглушенный, но сознание было ясное. Он знал—*задание командования выполнено*.

И действительно, командир батальона Сипович по полемому телефону передавал:

— Крепость пала. Дот № 45 саперами взорван и уничтожен.

За бесстрашное, мужественное выполнение важнейшей операции советское правительство присвоило звание Героя Советского Союза капитану Коровину, командиру батальона Сиповичу, старшему политруку Фомичеву, младшему лейтенанту Кучерову...

СМЕРТЬ ПОВАРА КОТОВА

«Миллионер» был уничтожен. Разгромлен был и соседний дот № 44.

Отходя на отдых после выполнения операции, бойцы нашли тело ротного повара Василия Котова.

Убитый пулей в голову, Котов лежал у своих саней. На них стоял крепко привязанный ремнями и тщательно укутанный полушубком термос с кашей.

Кто-то из бойцов подошел к санкам, молча открыл термос. Светлым дымком показался пар...

Стрелжи из батальона Сиповича и саперы Коровина уже вторые сутки не выходили из боя, самоотверженно продвигаясь к доту № 45.

Бойцы лежали на снегу. Ждали консервов. Не только тех, которые на условном языке означали взрывчатку, а и настоящих вкусных советских консервов, горячей каши.

Съестные припасы истощились, доставка нового продовольствия задержалась.

Бойцы терпеливо и спокойно ждали. Они знали, что продукты им подкинут при первой же возможности.

И действительно, на командном пункте решили отправить продукты на линию огня с добровольцами. Сумели же саперы, несмотря на всю опасность, наладить доставку на линию огня взрывчатого вещества. Значит можно подвезти туда и хлеб, и кашу.

Командир батальона вышел из своей палатки, чтобы вызвать добровольцев. Едва он показался из дверей, как к нему подошел ротный повар, комсомолец Василий Котов.

— Товарищ комбат,—сказал повар,—разрешите мне провести одну небольшую операцию.

— Какую?

— Разрешите доставить бойцам кашу, хлеб и прочее, что положено. Каша, товарищ комбат, поспела, и она хороша, за это я ручаюсь. У меня и санки готовы. Я термос на санки поставлю, свежий хлеб—в ящик и ползком за собой потащу. Не сомневайтесь, товарищ командир, доставлю.

— А огонь?—спросил комбат.

— Конечно, без него куда лучше было бы, да что ж поделаешь! Бойцы под огнем доты рвут, а я неужели своего дела сделать не сумею?! Разрешите, товарищ комбат, отправиться?

И повар Котов, набив на лыжи перекладки и крепко-накрепко привязав к ним ремнями большой, на добрых сорок порций, термос с кашей и ящик с хлебом, не оглядываясь пошел вперед. Возле редких, общипанных артиллерией деревьев, которые росли невдалеке, он залег, выбрал направление и пополз.

В тот день Котов семь раз отвез на передовую позицию

горячий обед, хлеб, консервы и запас. Он возвращался назад усталый, но довольный. Товарищи встречали его улыбками, подбадривающими словечками. И каждый раз, наполняя термос, Вася Котов отшучивался:

— Каша бойцам нравится, и на их аппетит я не жалуясь... А мне, как повару, это главный смысл в работе, чтоб на мою пищу аппетит был.

Он и на другой день несколько раз возил на линию огня свой передвижной ресторан. Но счастливо сделав четыре ходки туда и обратно, он ушел в пятый рейс и на этот раз не вернулся...

На позиции долго ждали Котова, но не дождались. Не дождались его и в тылу. Тогда и там и тут поняли—произошло несчастье.

Тело Василия Котова доставили на пункт уже тогда, когда доты были взорваны. Тело лежало на самодельных санях, которые смастерил комсомолец. Термос стоял в головах.

Бойцы, вернувшиеся с позиции, смотрели на погибшего комсомольца, смахивая навертывавшуюся на глаза горячую слезу.

Кто-то заметил, что нога Котова перевязана.

Был приглашен доктор. И врач установил, что Котов был ранен разрывной пулей, что он сам сделал повязку, использовав свой индивидуальный санитарный пакет, и, наконец, что рана была получена, очевидно, дня два назад.

О своем ранении Вася никому не говорил. Он скрыл его, потому что понимал: ему не позволят, раненому, уходить с термосом на передовые позиции... А он был из тех людей, которые остаются на посту и выполняют свою задачу до тех пор, пока бьется сердце, пока видят глаза и действуют руки...

Повара Котова похоронили на поле боя с воинскими почестями.

— Мы отомстим за тебя, товарищ, в грядущих боях!—сказали саперы.

«ЛЕГЕНДЫ» О ДОТАХ

Мощный Хотиненский узел—важнейший укрепленный участок «линии Маннергейма»—был прорван.

Операции наших частей продолжались.

Оправившись от контузии и ранения, Иван Евдокимович Коровин вновь вернулся на передовые позиции. Саперы N-ского батальона вновь пошли на штурм дотов. Были блокированы и взорваны железобетонные крепости № 35 и № 33.

Бойцы рвали доты почти каждую ночь.

К своему походному дневнику Иван Евдокимович Коровин подшил несколько листков тонкой папиросной бумаги. На каждом листке изложена «легенда» о доте. Так называлась короткая техническая запись специалистов о том, что представлял собой каждый дот и во что он был обращен героическими частями Красной Армии.

Вот несколько строк из этих «легенд»:

«Дот № 45. Железобетонный полуканонир. Шесть амбразур, из которых две—артиллерийские...

Взорван и уничтожен».

«Дот № 44. Три пулеметные амбразуры. Сооружение двухэтажное. Железобетон. Толщина стен полтора метра...

Разрушен взрывом полностью, так что точных размеров и форм крепости установить не удалось».

«Дот № 35. Железобетон. Полуканонир. Четыре амбразуры. Две 37-миллиметровые пушки. Два металлических купола. Один этаж. Железобетон.

Уничтожен».

«Дот № 33. Железобетонный полуканонир. Три амбразуры. Одна противотанковая пушка.

Взрывом разрушен настолько, что данные собрать не представляется возможным»...

Доты-крепости один за другим падали под железным натиском сталинских богатырей, бесстрашных воинов страны советов.

Финны отступали уже беспорядочно, панически.

Наши части стремились к Выборгу:

Выборг пал.

